

Михаилъ Никифоровичъ Катковъ и графъ Петръ Александровичъ Валуевъ въ ихъ перепискѣ.

(1863—1879 г.г.).

Михаилъ Никифоровичъ Катковъ занимаетъ такое крупное мѣсто въ исторіи нашего умственного развитія и нашей общественности во вторую половину XIX вѣка, что о значеніи каждой строки написанной имъ не можетъ быть и сомнѣнія. Имя графа П. А. Валуева, одного изъ ближайшихъ и главнѣйшихъ сотрудниковъ Императора Александра II, образованнѣйшаго и умнѣйшаго изъ министровъ того времени, также достаточно извѣстно, чтобы оцѣнить, насколько взаимная переписка между даровитымъ публицистомъ и выдающимся государственнымъ дѣятелемъ представляется заслуживающей вниманія читателей „Русской Старины“.

Письма М. Н. Каткова на имя Валуева доставлены намъ роднымъ племянникомъ покойнаго Л. С. Макова, бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, — Алексѣемъ Николаевичемъ Бороздинымъ, ново-вилейскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.—Наслѣдники М. Н. Каткова:—дочь его, баронесса Софія Михайловна Энгельгардтъ и сынъ Андрей Михайловичъ Катковъ, давъ мнѣ разрѣшеніе печатать ниже приводимыя письма ихъ покойнаго родителя, предоставили въ мое распоряженіе и отвѣтныя письма П. А. Валуева.

Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы, на страницахъ „Русской Старины“, принести печатную нашу глубокую благодарность баронессѣ С. М. Энгельгардтъ, А. М. Каткову и А. Н. Бороздину за доставленные имъ цѣнные историческіе документы.

Писемъ Каткова нами печатается всего восемь, Валужева,—тридцать, одна телеграмма и двѣ записки.—Нѣкоторыя письма Каткова, на которыя имѣются печатаемыя ниже отвѣтныя письма Валужева,—утрачены и содержаніе ихъ возможно возстановить лишь по тѣмъ даннымъ, которыя содержатся въ упомянутыхъ письмахъ Валужева.

Письма Каткова относятся къ 1863 и 1864 годамъ. Большинство писемъ Валужева датировано также этими годами, затѣмъ слѣдуетъ перерывъ переписки и послѣдняя возобновляется снова въ 1869 году, послѣ оставленія Валужевымъ поста министра внутреннихъ дѣлъ. При этомъ надо отмѣтить, что тонъ, характеръ и самое содержаніе писемъ Валужева къ Каткову послѣ 1864 года совершенно измѣняются: изъ дружескаго повиѣшности, довѣрительнаго обмѣна мыслей, затрогивавшаго самыя животрепещущіе вопросы дня—переписка переходитъ въ холодно-оффиціозную и при томъ малосодержательную. Письмо Валужева, отъ 21-го ноября 1864 года, въ послѣдней его части, содержитъ объясненія причины разномыслія, взаимнаго охлажденія и отчужденія между корреспондентами.

Какъ возникло знакомство Каткова съ Валужевымъ и чѣмъ, ближайшимъ образомъ, вызвано ихъ взаимное стремленіе къ живому, откровенному обмѣну мыслей—намъ не извѣстно. Возможно, что знакомство между редакторомъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“ и министромъ внутреннихъ дѣлъ—началось при представленіи Катковымъ Валужеву, въ 1861 г., когда Валужевъ справлялъ еще свой медовый мѣсяцъ управленія министерствомъ, коллективной записки нѣкоторыхъ издателей наиболѣе крупныхъ органовъ періодической печати—о желательныхъ улучшеніяхъ въ положеніи этой печати. Во всякомъ случаѣ мотивы сближенія Валужева съ Катковымъ, или точнѣе возникшей между ними переписки, вполне понятны.—Ко времени начала этой корреспонденціи Катковъ занималъ выдающееся положеніе среди другихъ современныхъ литераторовъ, какъ талантливый публицистъ, создатель политической нашей печати, сдѣлавшійся руководителемъ общественнаго мнѣнія, выразителемъ идей и пожеланій лучшей части русскаго интеллигентнаго общества. Валужевъ, придававшій большое значеніе популяризаціи своей дѣятельности въ глазахъ общества, старавшійся захватить въ свои руки не только руководительство нашей внутренней политикой, но и общественнымъ мнѣніемъ, проводя въ сознаніе общества, въ желаемомъ имъ духѣ и направленіи, свои идеи о новыхъ началахъ государственнаго

и общественнаго строя, желательныхъ и даже необходимыхъ, по его мнѣнію, для Россіи, послѣ Севастопольскаго погрома, выраженныхъ имъ въ знаменитой запискѣ „Думы Русскаго“ („Русская Старина“ 1891 г. № 5), а затѣмъ во Всеподданнѣйшемъ докладѣ о преобразованіи Государственнаго Совѣта, въ смыслѣ соединенія бюрократической конституціи съ самодержавіемъ.— Поэтому Валуевъ желалъ, кромѣ, созданнаго имъ въ Петербургѣ официальнаго органа министерства внутреннихъ дѣлъ— „Сѣверной Почты“ имѣть—въ Москвѣ полуофициальный органъ печати, который служилъ бы послушнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ талантливымъ выразителемъ желаній, мнѣній своего патрона. Конечно, весьма было заманчиво для такой цѣли привлечь Каткова, столь популярнаго и талантливаго публициста, воспользовавшись редактируемыми имъ „Московскими Вѣдомостями“ и „Русскимъ Вѣстникомъ“, какъ это сдѣланъ другой министр— Головинъ (министръ народнаго просвѣщенія) съ „Голосомъ“¹⁾. Катковъ же шелъ на такое сближеніе съ министромъ, вовсе не желая поступаться своими мнѣніями и убѣжденіями, но думая извлечь для себя возможную пользу изъ близкихъ отношеній къ министру, чтобы избавиться, главнымъ образомъ, отъ излишней придирчивости цензуры и имѣть иногда болѣе свѣжія и вѣрныя свѣдѣнія по разнымъ текущимъ вопросамъ и дѣламъ нашей внутренней жизни и политики. Умѣренно либеральный и вмѣстѣ съ тѣмъ патриотическій образъ мыслей, сочувствіе всѣмъ начинаніямъ и реформамъ Императора Александра II—вотъ что сближало въ то время министра внутреннихъ дѣлъ съ московскимъ публицистомъ. Но въ характерѣ, нравственномъ обличьи и основныхъ убѣжденіяхъ обоихъ корреспондентовъ заключались сѣмена ихъ послѣдующей размолвки, ихъ взаимнаго непониманія и раздраженія.

Либерализмъ на космополитической и феодально-аристократической подкладкѣ и внѣшняя мягкость Валуева были неискренними и напускными; слово и дѣло почти всегда расходились у него, либеральныя фразы и проводимое, наряду съ либеральными положеніями во всѣхъ законопроектахъ, проходившихъ черезъ руки Валуева,—недовѣріе къ началамъ само-

¹⁾ Создавъ официальный органъ министерства внутреннихъ дѣлъ „Сѣверную Почту“, Валуевъ, занявшій въ 1880 г. постъ предсѣдателя Комитета Министровъ, способствовалъ образованію офиціознаго органа печати „Берегъ“ Цитовича; этотъ органъ, какъ раньше „Сѣверная Почта“, ведшая полемику съ Милютинимъ—повелъ атаку на соперника Валуева—по вліянію на высшія придворныя сферы—графа Д. А. Толстого.

управленія, общественной инициативѣ, закрѣпленіе бюрократическаго произвола и безответственности, стремленіе къ централизациі—все, что впоследствии Валуевъ, въ своемъ дневникѣ, осуждалъ въ современныхъ ему государственныхъ дѣятеляхъ, красной нитью проходило черезъ всю государственную дѣятельность Валуева ¹⁾, придавая двойственность, половинчатость и недѣланность его законопроектамъ. Мало того, Валуевъ никогда не исповѣдывалъ опредѣленнаго credo, готовъ былъ всегда поступиться своими мнѣніями, если признавалъ это для себя почему-либо выгоднымъ, стремился не только сглаживать всякія крайности, но и соединять иногда начала непримиримыя. Одной изъ главнѣйшихъ пружинъ всей дѣятельности Валуева было его чрезмѣрное честолюбіе и властолюбіе, и ею объясняется та непримиримая ненависть, которой дышатъ отзывы Валуева о всѣхъ, кто такъ или иначе являлся соперникомъ его по власти и вліянію въ дѣлахъ государственныхъ. Сначала объектомъ его ненависти былъ Муравьевъ, виновникъ его карьеры и возвышенія, затѣмъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, чрезвычайно благосклонно относившійся къ нему, затѣмъ Д. А. Милютинъ, наконецъ графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ. Неустойчивость взглядовъ Валуева заставляла заподозривать его всегда въ неискренности и отталкивала отъ него тѣхъ, кто такъ или иначе входилъ съ нимъ въ тѣсное, дѣловое общеніе. Неустойчивость эта происходила, главнымъ образомъ, изъ желанія популярничанія и прежде всего изъ стремленія угодить лицамъ вліятельнымъ и сильнымъ въ данную минуту, при дворѣ. Одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Валуева, сенаторъ Шумахеръ, очень мѣтко охарактеризовалъ Валуева, сказавъ, что девизомъ своего герба ему слѣдовало бы избрать изреченіе: „и нашимъ и вашимъ“.

М. Н. Катковъ представляется человѣкомъ совершенно иного склада характера и образа мыслей: страстный, рѣшительный, прямолинейный, въ томъ, что онъ признавалъ въ данную минуту благомъ для Россіи, справедливымъ или истиннымъ; онъ никогда не шелъ на компромиссы, сдѣлки со своей совѣстью, оставаясь всегда самимъ собою, хотя бы, отставая слѣпо свое мнѣніе, ему и приходились иногда отставаться почти совершенно одинокимъ; онъ не шелъ за теченіемъ, а умѣлъ только вести за собою толпу, не потакая ей вкусамъ, не ища

¹⁾ Какъ извѣстно, Валуевъ принадлежалъ къ извѣстному „кружку шестнадцати“, въ 40 годахъ XIX отъ представителей либеральной аристократической молодежи состоявшей.

популярности. Девизомъ Каткова, которому служилъ свято всю жизнь, было: „отечество и государство, Россія и Царь“ и завѣтомъ, который онъ отстаивалъ всегда и который оставилъ грядущимъ поколѣніямъ, былъ призывъ: „не растратить среди всѣхъ шатаній мысли все, что получили мы отъ нашей исторіи, въ видѣ національной и политической силы“.

Темы, обсуждаемыя въ печатаемыхъ ниже письмахъ Валужева и Каткова, главнымъ образомъ, касаются боевыхъ, животрепещущихъ и крупнѣйшихъ вопросовъ нашей политической и общественной жизни, и какъ ни странно, несмотря на цѣлое полустолѣтіе, отдѣляющее насъ отъ эпохи, когда написаны были эти письма, — вопросы, въ нихъ затрагиваемые, не потеряли своей свѣжести, своего интереса и значенія въ наше время.

Главный вопросъ, который затрагивается Валужевымъ и Катковымъ въ ихъ перепискѣ — это вопросъ о завершеніи реформъ Александра II по обновленію нашего государственнаго и національнаго строя — созданіи представительства, участіи общества въ обсужденіи всѣхъ существеннѣйшихъ политическихъ, религіозныхъ, соціальныхъ вопросовъ, въ особомъ представительномъ учрежденіи и рѣшеніе всѣхъ хозяйственныхъ, мѣстныхъ вопросовъ выборными отъ общества, на мѣстахъ, лучшими его людьми.

Сходясь съ Валужевымъ, въ эпоху, которая затрагивается печатаемыми ниже письмами, во взглядахъ на необходимость реорганизаціи нашего центрального и мѣстнаго управленій, носившихъ до этого строго бюрократическій характеръ, не отвѣчавшій потребностямъ и задачамъ современной государственной жизни, а также общественному настроенію — Катковъ расходился съ Валужевымъ въ подробностяхъ этой реорганизаціи, особенно въ созданіи новыхъ выборныхъ органовъ мѣстныхъ управленій, на задачи и характеръ этого самоуправления.

Вопросу о представительствѣ Катковъ посвятилъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ статей своихъ въ № 3 „Русскаго Вѣстника“ подъ заглавіемъ „Что же намъ дѣлать съ Польшей?“ выдержки изъ которой приведены ниже. „Представительство необходимо безъ замедленія“, писалъ Катковъ Валужеву, въ письмѣ отъ 16 сентября 1863 г. Валужева, въ это время, также занималъ вопросъ о созданіи представительнаго учрежденія, для чего онъ думалъ реорганизовать Государственный Совѣтъ и въ 1863 году представилъ Императору Александру II записку, въ которой доказывалъ, что для предупрежденія броженія внутри Россіи и предотвращенія возможнаго вмѣшательства европей-

ской коалиціи на защиту Польши—необходимо создать особый совѣщательный органъ изъ выборныхъ отъ населенія городовъ и земскихъ собраній — депутатовъ для участія ихъ въ законодательствѣ и дѣлахъ высшаго управленія, не затрагивая, однако, прерогативъ верховной власти; этотъ совѣщательный органъ долженъ былъ дѣйствовать лишь періодически — въ составѣ бюрократическаго Государственнаго Совѣта, для обсужденія лишь нѣкоторыхъ особо поручаемыхъ ему дѣлъ. Проектъ Каткова, какъ увидимъ ниже, былъ шире и прежде всего не смѣшивалъ выборныхъ отъ населенія съ назначенными правительствомъ чиновниками, а строго оберегалъ свой представительный органъ отъ бюрократическаго элемента. Въ этомъ заключалась разница обоихъ проектовъ.

Другой вопросъ, который также живо занимаетъ обоихъ корреспондентовъ — вопросъ о земскомъ самоуправленіи.—Катковъ ставилъ шире вопросъ о реорганизаціи мѣстнаго управленія и проектировалъ созданіе земскихъ органовъ не въ формѣ робкаго допущенія общества до обсужденія своихъ, исключительно мѣстныхъ, хозяйственныхъ нуждъ, подъ усиленнымъ контролемъ административныхъ органовъ, а въ формѣ дѣятельнѣйшаго участія мѣстныхъ элементовъ: крупныхъ землевладѣльцевъ, помѣстнаго дворянства, коллективныхъ группъ остальнаго населенія уѣздовъ, губерній—въ обсужденіи всѣхъ мѣстныхъ нуждъ, бережно охраняемыхъ отъ всякаго вмѣшательства бюрократическаго элемента.

У Каткова былъ свой проектъ организаціи земства, чтеніе котораго Валуевъ устранилъ въ Государственномъ Совѣтѣ при обсужденіи внесеннаго въ Совѣтъ Валуевскаго проекта земскаго положенія, находя, что чтеніе это было бы профанаціей высшаго государственнаго учрежденія ¹⁾.

Смѣю сказать, писалъ Катковъ—Валуеву (письмо отъ 16 сентября 1863 г.), по поводу проекта послѣдняго „Положенія о земскихъ учрежденіяхъ“, — „что вы совершили бы истинно государственное дѣло, если бы рѣшились пересмотрѣть основанія проекта. Онъ возникъ подъ вліяніемъ той мысли, что земское собраніе должно имѣть исключительно хозяйственный характеръ. Но многое измѣнилось съ того времени. Теперь, послѣ тѣхъ событій, которыя совершились, и при томъ направленіи,

¹⁾ Подробно объ этомъ въ книгѣ Джанціева: „Эпоха великихъ реформъ“ 4 изданіе.

которое, очевидно, приняло дѣло, эти учрежденія, очевидно, должны стать элементами всей нашей *политической жизни*“.

Однако Каткову не удалось убѣдить Валуева въ правильности своей мысли о томъ характерѣ, который должны имѣть будущія земскія учрежденія, какъ элементъ „политической“ нашей жизни. Положеніе 1 января 1864 г. о земскихъ учрежденіяхъ представляло весьма робкую попытку привлеченія общественныхъ выборныхъ элементовъ къ обсужденію мѣстныхъ хозяйственныхъ вопросовъ, подѣ контролемъ могущественной бюрократіи. Это положеніе являлось почти дословнымъ повтореніемъ Валуевского проекта. Къ участию въ разработкѣ этого важнѣйшаго государственнаго акта царствованія Императора Александра II не привлекались общественные элементы и, какъ охарактеризовалъ этотъ законодательный актъ И. С. Аксаковъ въ газетѣ „День“, законъ этотъ „былъ плодомъ тяжкаго усердія административныхъ лицъ внѣ помощи общественной, безъ пособія органическаго творчества жизни“.

Катковъ, привѣтствуя въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появленіе земскаго положенія,—высказался о немъ осторожно: „законъ этотъ имѣетъ особенную важность, не по тѣмъ спеціальнымъ учрежденіямъ (собраніямъ и управамъ), которыя онъ создаетъ, а по тѣмъ *началамъ*, которыя онъ вызываетъ въ нашей народной организаціи.—Въ этихъ-то началахъ заключается его *главное значеніе*. До сихъ поръ русскій народъ не имѣлъ совокупной организаціи; теперь онъ имѣетъ ее“.

Кромѣ вопросовъ объ организаціи представительства и земскаго самоуправленія взгляды Каткова и Валуева рѣзко расходились въ оцѣнкѣ началъ нашей окраинной политики. Валуевъ стоялъ на почвѣ космополитическаго либерализма за широкую автономію окраинъ, а Катковъ на почвѣ національной, отстаивалъ великодержавную политику, цѣлость и недѣлимость государства, какъ политическаго организма, допускалъ особенности мѣстной жизни, свободу вѣроисповѣданія, употребленіе мѣстныхъ языковъ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, школахъ, но при условіи обязательнаго преподаванія русскаго языка, какъ государственнаго, при объединеніи выборныхъ отъ всего государства въ одномъ общемъ представительномъ учрежденіи.

Польское возстаніе 1863 года рѣзко поставило вопросъ польскій и связанные съ нимъ вопросы о возрожденіи русской народности въ Юго-Западномъ и Сѣверо-Западномъ краяхъ, устройствѣ быта крестьянъ, освобожденіи отъ личной и экономической зависимости отъ польскихъ помѣщиковъ.

Стоя за цѣлостъ и недѣлимость Россіи, Катковъ рѣшительно отвергалъ допустимость отдѣльнаго автономнаго существованія Царства Польскаго въ нашихъ государственныхъ интересахъ, доказывая, что поляковъ вовсе не удовлетворитъ автономія Царства—безъ Литвы, части Юго-Западной Россіи и Бѣлорусіи, что въ своемъ требованіи автономіи они подразумѣваютъ Польшу, не иначе какъ въ предѣлахъ королевства до перваго его раздѣла, и что уступка, которую сдѣлали бы, идя навстрѣчу ихъ желаніямъ,—созданіемъ автономнаго Царства Польскаго—явилась бы лишь перемиріемъ въ нашемъ столкновеніи съ Польшей, а не миромъ, создавая въ будущемъ почву для новыхъ недоразумѣній и притязаній со стороны поляковъ. По мнѣнію Каткова—дарованіе „представительства“ и политическихъ правъ всѣмъ гражданамъ великой Россіи—вотъ что можетъ разрѣшить польскій и другіе окраинные вопросы, тѣсно соединить ихъ съ Россіей, удовлетворивъ назрѣвшей потребности въ представительномъ учрежденіи и пользованіи политическими правами, привязать инородцевъ къ ихъ общему великому отечеству—Россіи, и прекратить всѣ сепаратическія тенденціи. Но при этомъ необходимо, по мнѣнію Каткова, поддерживать во имя исторической справедливости русскую народность на нашихъ окраинахъ, поставить ее въ положеніе не подчиненное отъ мѣстныхъ инородческихъ элементовъ. Въ виду этого Катковъ стоялъ за самыя рѣшительныя мѣры къ освобожденію крестьянъ отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ въ Сѣверо-Западномъ и отчасти Юго-Западномъ краяхъ, высказывая горячее сочувствіе радикальнымъ мѣрамъ М. Н. Муравьева въ этомъ направленіи.

Валуевъ держался иныхъ взглядовъ на всѣ эти вопросы изъ ложнаго либерализма и желанія популярности въ европейской печати.—Валуевъ высказывался за самую широкую автономію нашихъ окраинъ и противъ всякихъ мѣръ, направленныхъ къ усиленію нашей силы и мощи въ присоединенныхъ къ Россіи, но сохранившихъ свою національную физіономію, имѣвшихъ свою старую культуру частяхъ имперіи—Польшѣ, Остзейскихъ провинціяхъ и Финляндіи. Исповѣдуя феодально аристократическіе взгляды, Валуевъ особенно противодействовалъ всякимъ социальнымъ реформамъ, направленнымъ къ поднятію благосостоянія народныхъ массъ и освобожденію ихъ изъ-подъ экономической и гражданской зависимости отъ помѣщиковъ. Изъ угожденія польской аристократіи, имѣвшей вѣсь и вліяніе при нашемъ дворѣ въ царствованіе Александра II—

онъ стоялъ за преобладаніе польскаго элемента въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западнымъ краяхъ, какъ элемента болѣе культурнаго, и потому являлся однимъ изъ ярыхъ борцовъ противъ всѣхъ начинаній мѣстной власти, по освобожденіи крестьянъ отъ помѣщиковъ въ видѣ обязательнаго выкупа, противъ повышенныхъ сборовъ съ крупныхъ землевладѣльцевъ и вообще помѣщиковъ, противъ конфискаціи ихъ имѣній и т. п.

Отсюда благожелательное отношеніе Валуева къ кievскому генераль-губернатору генералу Анненкову, весьма благосклонно относившемуся къ польскимъ помѣщикамъ и мягко, въ ихъ интересахъ, осуществлявшему крестьянскую реформу, и вражда противъ суроваго виленскаго диктатора, графа Муравьева, радикальными средствами вводившаго социальныя реформы на Литвѣ и въ Бѣлоруссіи, стремившагося къ подавленію польскаго шляхетнаго элемента, какъ враждебнаго нашимъ государственнымъ и національнымъ интересамъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Въ оцѣнкѣ дѣятельности этихъ государственныхъ сановниковъ Катковъ и Валуевъ совершенно расходились. Не разъ, въ письмахъ своихъ къ Каткову, Валуевъ то иронизируетъ по поводу „дионирамбическихъ“ его отзывовъ о Муравьевѣ, то старается доказать, что онъ солидаренъ съ Муравьевымъ въ рѣшительныхъ его мѣрахъ по подавленію возстанія, но находитъ его роль, съ возстановленіемъ спокойствія въ предѣлахъ Сѣверо-Западнаго края—оконченной, считая этого государственно дѣятеля неспособнымъ проводить органическія реформы, въ новой обстановкѣ, для дальнѣйшаго культурнаго развитія края. Но ни иронія Валуева, ни его доводы о неспособности Муравьева къ созидательной дѣятельности въ Литвѣ и Бѣлоруссіи—не дѣйствовали на Каткова, который въ своихъ статьяхъ неизмѣнно поддерживалъ Муравьева. Въ № 167 „Моск. Вѣд.“ отъ 31 іюля 1864 года Катковъ писалъ: „революція въ Литвѣ подавлена съ меньшими военными силами, чѣмъ тѣ, которыя находятся въ распоряженіи варшавскаго правительства, и даже съ меньшимъ кровопролитіемъ и меньшими казнями. Всѣмъ этимъ Литва обязана тому, что Муравьевъ захотѣлъ и счумѣлъ освободить ее отъ террора. Онъ не побоялся крика клеветниковъ, онъ не оробѣлъ передъ угрозами, что, дѣйствуя согласно долгу своему передъ Государемъ и отечествомъ, навлекаетъ проклятіе на свое имя и европейскую войну на Россію, и никто не оказалъ такихъ услугъ дѣлу европейскаго мира и никто теперь не поставилъ такъ высоко своего имени, какъ

Муравьевъ, вырвавшій Литву изъ когтей революціи, отнявшій у польскаго мятежа его главную цѣль“. По поводу ухода Муравьева съ поста виленскаго генераль-губернатора Катковъ, въ № 252 отъ 27 ноября 1865 года, писалъ: „Россія никогда не забудетъ заслугъ этого человѣка въ трудную,—мрачную минуту, и безпристрастный судъ исторіи высоко оцѣнитъ его подвигъ“.

Какъ ни чужды были эти хвалебные отзывы Каткова о дѣятельности Муравьева Валуеву и какъ ни далекъ былъ Валуевъ отъ взглядовъ, развиваемыхъ Катковымъ на польскій и связанный съ нимъ вопросы о русской національности и польской культурѣ въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краяхъ, однако, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, онъ не рѣшался слишкомъ рѣзко высказываться противъ руководящихъ мнѣній Каткова по этимъ вопросамъ, вполнѣ раздѣлявшихъ общественнымъ мнѣніемъ въ Россіи, отрезвѣвшимъ послѣ польскаго мятежа отъ увлеченія сочувствіемъ къ угнетаемымъ якобы полякамъ. Зато въ вопросахъ финляндскомъ и остзейскомъ Валуевъ довольно рѣшительно проводилъ свои взгляды, отстаивая права мѣстныхъ учрежденій Финляндіи и Остзейскаго края, и, отчасти, поддерживая ихъ политическія и сословно-феодалныя притязанія. Валуевъ, какъ бывший курляндскій губернаторъ, считалъ себя знатокомъ мѣстныхъ вопросовъ и нетерпимо относился ко всякому чужому мнѣнію, на эти вопросы, несходившемуся съ его взглядами; на этой почвѣ у него и выходили конфликты съ Катковымъ.

Валуевъ считался въ отношеніи къ Прибалтійскому краю съ сильнымъ вліяніемъ въ то время при нашемъ Дворѣ крупныхъ остзейскихъ помѣщиковъ и потому не препятствовалъ ихъ открытой германизаціи мѣстнаго населенія путемъ школъ и мѣстныхъ административныхъ учрежденій.

Цензурное вѣдомство шло въ этихъ вопросахъ по указаніямъ своего патрона, я Каткову, несмотря на всю силу и горячность его сопротивленія, приходилось волею, неволею молчать, или, какъ онъ выражается въ одномъ изъ писемъ Валуеву—философствовать на эту грустную тему, о связанныхъ рукахъ благонамѣреннаго русскаго публициста, по этимъ жгучимъ вопросамъ, затрагивающимъ наше національное достоинство и государственные интересы.

Не имѣя возможности высказаться вполнѣ на тему о прибалтійскихъ и финляндскихъ притязаніяхъ, Катковъ изливалъ горькое чувство въ формѣ сѣтованій на лже-либеральное направленіе Петербургскихъ канцелярій, духъ космополи-

тизма, ими владѣющей, задѣвая, такимъ образомъ, одержимаго тѣмъ же недугомъ Валueva и доводя его до необходимости защищаться отъ солидарности съ этимъ духомъ, этими тенденціями.

Не удавалось вполнѣ благополучно Каткову проводить и свои взгляды по финансовымъ мѣропріятіямъ правительства, съ которыми онъ не вполнѣ соглашался, особенно горячо протестуя противъ искусственной поддержки нашего курса, обильнаго выпуска кредитныхъ билетовъ для покрытія дефицита при сведеніи годового бюджета. Катковъ стоялъ за внутренній заемъ, какъ для покрытія дефицитовъ по смѣтамъ, такъ и для добыванія средствъ на разныя производительныя мѣропріятія, направленные къ улучшенію условій нашей экономической жизни—постройку желѣзныхъ дорогъ и т. п. И въ этомъ случаѣ Катковъ проводилъ взгляды вполнѣ самостоятельныя, лишь случайно совпадавшіе съ видами и намѣреніями нашего финансового вѣдомства.— Поэтому въ своей публицистической дѣятельности, по вопросамъ финансовой политики, Каткову приходилось бороться съ министрами: финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, направлявшими противъ Каткова цензорскій карандашъ. Но выдающіяся способности Каткова, какъ писателя-публициста, его популярность, заставляли иногда руководителей министерства финансовъ и внутреннихъ дѣлъ прибѣгать къ помощи пера Каткова, чтобы популяризовать тѣ мѣры и начинанія ихъ, которыя, какъ они знали, совпадали съ его личными взглядами.

Самостоятельность и выдающаяся честность М. Н. Каткова, котораго ничѣмъ нельзя было подкупить, очень характерно проявились въ любопытномъ случаѣ съ барономъ Френкелемъ—однимъ изъ крупныхъ финансовыхъ дѣльцовъ того времени, имѣвшимъ солидныя связи среди многихъ петербургскихъ сановниковъ, кліентовъ его Варшавскаго банка.

Валуевъ, въ одномъ изъ печатаемыхъ ниже писемъ, очень рекомендовалъ вниманію Каткова этого банкира, ѣздившаго въ Москву съ спеціальной цѣлью познакомиться съ Катковымъ. Однако, зная близкое отношеніе Валueva съ Френкелемъ, Катковъ не задумался, въ цѣломъ рядѣ статей своихъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, разоблачить чрезвычайную невыгодность для рядовыхъ кліентовъ учреждаемаго Френкелемъ банка, Устава этого банка, отдававшего ихъ вклады въ безконтрольное, полное распоряженіе безотвѣтственнаго передъ ними правленія банка. Катковъ также изобличилъ тайныя цѣли Всеобщаго банка,

учреждаемаго тѣмъ же Френкелемъ для улучшенія финансовыхъ ресурсовъ папы и расширенія католической пропаганды.

Эту же самостоятельность и вмѣстѣ настойчивость въ проведеніи того, что онъ считалъ справедливымъ и вмѣстѣ полезнымъ для Россіи, Катковъ проявилъ въ волновавшемъ тогда правительственныя сферы и наше общество вопросѣ о направленіи Южной желѣзной дороги, долженствовавшей соединить Москву съ нашимъ югомъ, расходясь съ руководителями вѣдомства финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и путей сообщенія, отстаивавшихъ свое направленіе и поддерживавшихъ необходимость концессіи одной англійской компаніи.

Постоянная коллизія взглядовъ приводила постепенно къ размолвкѣ между обоими корреспондентами. Несмотря на завѣренія въ искреннемъ расположеніи и благожелательности со стороны Валуева, Катковъ убѣждался все болѣе и болѣе въ неискренности Валуева.—Переписка, сначала оживленная, дѣятельная, достаточно довѣрительная, постепенно замираетъ. Личное свиданіе въ Москвѣ обоихъ корреспондентовъ не измѣняетъ струйки недовѣрія, холодности, которая проникаетъ въ ихъ взаимныя отношенія, наоборотъ, выясняется, что ни тотъ, ни другой изъ корреспондентовъ не пойдутъ на такую уступку, которая граничила бы съ полнымъ подчиненіемъ одного другому; и вотъ переписка, въ концѣ 1864 года, прерывается. Катковъ печатаетъ рѣзкую статью по поводу притѣсненія цензуры, взыскавшей съ него около 500 руб. штрафа за рядъ нарушеній цензурнаго устава. Поднимается противъ Каткова цензурная гроза. Катковъ съ большою смѣлостью и упорствомъ отстаиваетъ права благонамѣреннаго русскаго публициста на свободную проповѣдь въ печати своихъ взглядовъ, которые не могутъ, по самому существу міросозерцанія автора, быть антиправительственными, какъ основанные на глубокой его любви къ родинѣ и преданности Государю. Онъ отказывается напечатать объявленное ему предостереженіе министра внутреннихъ дѣлъ. Газетѣ грозитъ прекращеніе ея дальнѣйшаго существованія. Вся мыслящая Россія, съ живѣйшимъ вниманіемъ, слѣдитъ за борьбой публициста съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.—Вотъ что заноситъ академикъ Никитенко, внимательный наблюдатель текущихъ событій, въ свой дневникъ, по поводу этой борьбы. Подъ 5 ноября 1864 г. онъ сообщаетъ, что „членъ Совѣта по дѣламъ печати Пржецлавскій, близкое лицо къ Валуеву, читалъ въ Совѣтѣ свою записку „о злокачественности“ „Московскихъ Вѣдомостей“. Въ запискѣ говорится, что газета была очень

полезна, возбуждала народное чувство во время польскаго возстанія, но потомъ она присвоила себѣ право, дозволенное только въ государствахъ, конституціонныхъ, порицать всѣ дѣйствія правительства и высшихъ правительственныхъ лицъ, сдѣлавшись настоящимъ органомъ оппозиціи.“—Валуеву нужно было получить сначала одобреніе Совѣта на репрессивныя противъ Каткова мѣры, чтобы спрятаться за нихъ, какъ за ширму, но Совѣтъ уклонился отъ высказыванія своего мнѣнія, постановивъ представить записку самому же Валуеву, на его распоряженіе. Къ концу ноября записка была возвращена министромъ въ Совѣтъ для разсмотрѣнія. „Дѣло это, пишетъ Никитенко, весьма щекотливо. Пржецлавскій поспѣлъ для нанесенія удара газетѣ какъ разъ въ пору, то-есть когда известная партія (Великаго Князя Константина Николаевича) замѣтно усиливается. Въ началѣ 1865 года Валуевъ, въ угоду Головнину¹⁾, сдѣлалъ распоряженіе объ усиленіи цензурнаго надзора за „Московскими Вѣдомостями“. Катковъ — Леонтьевъ рѣшили демонстративно оставить газету и приготовили для этого статью въ одномъ изъ первыхъ январскихъ номеровъ—5 января Московское дворянство постановило выразить редакторамъ „Московскихъ Вѣдомостей“ пожеланіе, чтобы слухи о ихъ намѣреніи оставить газету не осуществились. Почти одновременно съ этимъ Комитетъ Министровъ, разсматривавшій ходатайство Московскаго университета объ освобожденіи „Московскихъ Вѣдомостей“ отъ предварительной цензуры, постановилъ, не освобождая газеты отъ предварительной цензуры, предоставить, однако, министру внутреннихъ дѣлъ, въ виду благонадежности и патріотическаго направленія издателей-редакторовъ, а также оказанныхъ имъ разныхъ заслугъ, какъ по учебному вѣдомству, такъ и вообще передъ Россіей—оказать редакціи возможныя облегченія въ примѣненіи къ нимъ цензурныхъ правилъ“. Въ Комитетѣ Министровъ главными защитниками Каткова выступили прнципальные враги Головнина—Д. А. Милютинъ и князь Горчаковъ (Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 г.г., стр. 376—377).

Подъ 7 января 1865 года Никитенко заноситъ въ свой дневникъ: „Каткова призывали сюда.—Ему было объявлено, что если онъ не укротится, то газета будетъ отъ него взята и передана въ другія руки. Московскій университетъ объявилъ,

¹⁾ Министру народнаго просвѣщенія, другу и секретарю Великаго Князя.

что онъ же желаетъ перемѣнить редакторовъ и принимаетъ на себя цензуру. Эта совершенно неожиданная новость. Москва, вообще, сильно волнуется по поводу „Московскихъ Вѣдомостей“.

Подъ 14 января Никитенко записываетъ въ дневникъ, что „Совѣтъ по дѣламъ печати, рассматривая записку Пржецлавскаго, высказался, что если „Московскія Вѣдомости“ погрѣшили, то это было слѣдствіемъ не увлеченія, а моральнаго настроенія, а вовсе не политическихъ, преступныхъ намѣреній, что они не разъ уже подвергались взысканіямъ и, вообще, какъ заслуги ихъ превосходятъ ихъ проступки, то Совѣтъ не считаетъ справедливымъ подвергать ихъ еще болѣе строгому взысканію“. — Подъ 16 мая Никитенко скорбно замѣчаетъ: „Литературу нашу, кажется, ожидаетъ люта судьба. Валуевъ достигъ своей цѣли. Онъ забралъ ее въ свои руки и сдѣлался полнымъ ея властелиномъ. Худшаго господина она не могла получить. Сколько я могу судить по нѣкоторымъ убѣдительнымъ даннымъ, онъ, кажется, замыслилъ огромный планъ—уничтожить въ ней всякія „нехорошія поползновенія“ и сдѣлать ее вполне благонамѣренной. Онъ (т.-е. Валуевъ) должно быть презираетъ точно также—всякое умственное движеніе. Онъ думаетъ, что административныя мѣры выше и сильнѣе всякой мысли“. Въ 1866 г. подъ 1 апрѣля Никитенко пишетъ: „первое предостереженіе Каткову“; подъ 4 апрѣля: „Московскія Вѣдомости“ не приняли предостереженіе и рѣшили платить штрафъ въ теченіе 3 мѣсяцевъ. Онѣ отвѣчали на предостереженіе большою статьею, сущность которой слѣдующая: „вѣдь я гораздо сильнѣе напалъ на васъ и не разъ, а вы молчали“. „Любопытно, что сдѣлаетъ Валуевъ“. Подъ 5 апрѣля: „Московскимъ Вѣдомостямъ“ готовится второе предостереженіе“.—Подъ 7 апрѣля: (послѣ покушенія Каракозова на жизнь Государя): „Говорятъ о близкомъ увольненіи Валуева и Головнина“. 10 апрѣля: „второе предостереженіе „Московскимъ Вѣдомостямъ“ не сдѣлано, министръ не согласился. Приверженцы „Московскихъ Вѣдомостей“ торжествуютъ побѣду“; 26 апрѣля: Муравьевъ ¹⁾ просилъ министра внутреннихъ дѣлъ какъ-нибудь окончить скандальное дѣло съ „Московскими Вѣдомостями“. Къ этому онъ прибавилъ, что прекращеніе этой газеты считаетъ просто невозможнымъ. Какъ Валуевъ извернется въ этомъ дѣйствительно скандальномъ дѣлѣ?

¹⁾ Графъ М. Н. Муравьевъ Виленскій, облеченный особымъ Высочайшимъ порученіемъ по производству разслѣдованія о преступномъ покушеніи Каракозова.

„Московскія Вѣдомости“ такъ далеко зашли въ своемъ сопротивленіи министерству, что уступить имъ—значить сильно скомпрометтировать послѣднее“. 8 мая: „предостереженіе „Московскимъ Вѣдомостямъ“. 10 мая: „Московскія Вѣдомости“ чуть ли не окончательно прекращаются. А жаль, что привели себя къ самоубійству.—А между тѣмъ общество лишается съ ними лучшаго и полнѣйшаго своего органа; въ паденіи „Московскихъ Вѣдомостей“ заключается еще одинъ важный смыслъ—что бюрократія одерживаетъ побѣду надъ общественнымъ умомъ и сочувствіемъ“. 12 мая: „Московскія Вѣдомости“ приостановлены на 2 мѣсяца“.

25 мая Государь посѣтилъ Москву, и Каткову, благодаря содѣйствію министра двора, графа Адлерберга, и министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстого—назначена была Высочайшая аудіенція.

Послѣ этого знаменательнаго событія въ жизни М. Н. Каткова онъ, черезъ мѣсяць послѣ закрытія газеты,—выступилъ вновь въ качествѣ редактора, отмѣтивъ возобновленіе газеты, послѣ вынужденнаго перерыва, заявленіемъ—что не сѣтуетъ на постигшую невзгоду, напротивъ, благодаритъ Бога за то, что было испытано въ этотъ промежутокъ времени (намекая на милостивый пріемъ и слова благоволенія Императора Александра II). Мы пережили минуты, которыя бросили радостный отблескъ на наше прошедшее, въ которыя находили мы благодарныя возбужденія для будущаго („Моск. Вѣд.“ 1866 г. № 132).

Все происшедшее, съ конца 1864 года до описываемаго времени, конечно, не могло способствовать добрымъ отношеніямъ Валуева и Каткова. Повидимому, личныя сношенія ихъ были прерваны, по крайней мѣрѣ, писемъ за этотъ промежутокъ времени не сохранялось. Въ 1868 г. Валуевъ уволенъ былъ отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ.

Ближайшимъ поводомъ ухода Валуева было упорное отрицаніе министромъ внутреннихъ дѣлъ голода, постигшаго нѣкоторыя губерніи, и непринятіе, вслѣдствіе этого, надлежащихъ мѣръ. Официальные корреспонденты Валуева оказались еще болѣе несостоятельными по части вѣрности сообщаемыхъ своему патрону свѣдѣній, чѣмъ частные репортеры Каткова, отъ которыхъ Валуевъ настойчиво предостерегалъ въ своихъ письмахъ Каткова. „Валуевъ оставилъ министерство, пишетъ Никитенко подь 4 марта 1868 г., или министерство оставило его“.

„Объ уходѣ Валуева, кажется, никто не сожалѣетъ, развѣ кромѣ нѣсколькихъ преданныхъ ему чиновниковъ. Общество сильно нерасположено къ нему за земство и за его распоряженія по дѣламъ печати“.

Валуевъ, повидимому, страшно былъ удрученъ новымъ своимъ положеніемъ человѣка не у дѣлъ, и стремился хоть къ минимальному вліянію на ходъ нашей внутренней политики, почему сталъ вновь искать сближенія съ Катковымъ—и вотъ переписка ихъ возобновляется, послѣ перерыва въ цѣлыхъ пять лѣтъ. Однако переписка эта имѣетъ уже совершенно иной характеръ: теряется прежняя интимность, тонъ переписки какой-то накрахмаленный. Для Каткова пропадаетъ, повидимому, всякій личный интересъ къ такой корреспонденціи, въ ней заинтересованнымъ лицомъ является лишь Валуевъ, которому хочется въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользоваться перомъ даровитаго писателя-публициста, и потому онъ сообщаетъ ему нѣкоторыя свѣдѣнія о своей дѣятельности или дѣятельности тѣхъ комиссій, въ которыхъ онъ предсѣдательствовалъ, или о событіяхъ, въ освѣщеніи которыхъ, подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, Валуевъ почему-либо находитъ для себя какую-либо пользу. Общественный интересъ писемъ Валуева послѣ 1864 года незначительный, они заслуживаютъ вниманія лишь историка того времени по нѣкоторымъ намекамъ на то, что совершалось за кулисами, что скрыто было отъ глазъ общества. Мы, однако, считаемъ необходимымъ напечатать и эти письма, такъ какъ въ нихъ заключаются цѣнные матерьялы для характеристики самаго автора ихъ, Валуева, сыгравшаго несомнѣнно выдающуюся роль на протяженіи всего царствованія Царя Освободителя, въ качествѣ одного изъ его ближайшихъ и вліятельныхъ сотрудниковъ.

I.

С.П.Б. 29/III 1863 г.

М. Г.

Михаилъ Никифоровичъ.

Весьма искренно благодаренъ вамъ за письмо отъ 26-го. Оставляя въ сторонѣ указъ 1-го марта ¹⁾, скажу только

¹⁾ Указъ 1 марта 1863 г. о прекращеніи обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ въ Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской губерніяхъ и инфлянскихъ уѣздахъ Витебской губ. Указу этому посвящена передовая статья Каткова въ № 58 „Моск. Вѣд.“ за 1863 г.

нѣсколько словъ объ отрицательномъ направленіи. Во-первыхъ, я, кажется, постарался оговорить, что своихъ замѣтокъ объ этомъ направленіи я нисколько не относилъ исключительно къ Москвѣ. Во-вторыхъ, я вовсе не защитникъ того, что вы называете „Петербуржскимъ радикализмомъ и скрывающимися за Правительственными лицами канцеляріями“¹⁾. Къ сожалѣнію, мнѣ не разъ приходилось испытывать и тотъ и другія, и не разъ я про себя думалъ, что быть можетъ существеннѣйшая, хотя и неизвѣстная доля моей общественной дѣятельности заключается не въ томъ, что я успѣлъ сдѣлать, а въ томъ, чему я успѣлъ помѣшать. Въ доказательство приношу вамъ просьбу и дѣлаю вамъ предложеніе; просьба въ томъ, чтобы вы всегда съ тою же откровенностью сообщали мнѣ ваше мнѣніе;— предложеніе—въ томъ, чтобы вы заключили со мною договоръ, „*racium*“, на счетъ дальнѣйшаго обмѣна мыслей и мнѣній. Я готовъ, въ предѣлахъ возможнаго, давать вамъ *конфиденціально* отвѣтъ на каждый вами мнѣ предлагаемый вопросъ, и желаю, въ свою очередь, имѣть возможность обращаться къ вамъ, *конфиденціально* же, для освѣдомленія о вашемъ взглядѣ на тѣ вопросы, по которымъ мнѣ хотѣлось бы узнать ваше мнѣніе. Одно условіе,—чтобы кромѣ Г. Леонтьева²⁾ (которому прошу при семъ случаѣ передать мой поклонъ) эта переписка, буде она составитъ, осталась между нами. *Cela vous vat-il?*³⁾ Да или нѣтъ? „Великодушные просители“, о которыхъ вы упоминаете, не существуютъ нигдѣ, кромѣ царства воображенія. Я думаю, что ни одна пядь Русской земли не можетъ быть предметомъ уступокъ или переговоровъ. Впрочемъ я здѣсь даже не слыхалъ объ этомъ. Если желаете имѣть категорическій отвѣтъ,—поставьте категорическій вопросъ. На счетъ земско-хозяйственныхъ учрежденій мнѣ весьма желательно бы узнать ваше окончательное мнѣніе. Я прикажу отправить къ вамъ экземпляръ проекта въ томъ видѣ, въ какомъ онъ окончательно составленъ въ министерствѣ. Прошу васъ вѣрить моему истинному почтенію и совершенной преданности.

Валуевъ.

¹⁾ О русскихъ агитаторахъ въ польской смутѣ говорится въ № 86 „Моск. Вѣд.“ отъ 24 апрѣля, передовая статья Каткова.

²⁾ Леонтьевъ Павелъ Михайловичъ, профессоръ Московскаго университета, другъ и соредакторъ Каткова. род. 1802 г.

³⁾ Подходить ли вамъ это.

II.

С.П.Б. 30/III 1863.

Благодарю васъ, многоуважаемый Михаилъ Никифоровичъ, за письмо отъ вчерашняго числа. Обѣщаю, что впредь вы уже не получите отъ меня конверта съ официальнымъ обозначеніемъ отправленія. Между тѣмъ, посылаю вамъ для вашего свѣдѣнія и убѣжденія, въ согласіи нашихъ мыслей, прилагаемыя правила и инструкціи. Подъ страшнымъ наименованіемъ „карауловъ“¹⁾, полагая начало вооруженію болѣе обширному и въ то же время организаціи той массы, которой стихійная сила, безъ организаціи, опасна. О дѣлѣ кн. Шаликова²⁾ я уже вошелъ въ сношеніе съ управленіемъ министерства юстиціи. О разрѣшеніи напечатать слова, сказанныя преображенцамъ, я хлопочу; не отвѣчалъ потому, что еще не могъ достать аутентичнаго текста.

Преданнѣйшій Валуевъ.

Не скажете ли вы чего-нибудь о системѣ убійства въ Польшѣ, о молчаніи Европы въ отношеніи къ этимъ убійствамъ и о томъ, что произойдетъ, если мы начнемъ убивать³⁾.

III.

Милостивый Государь,

Петръ Александровичъ.

Пользуюсь поѣздкою въ Петербургъ пріятеля моего, К. П. Побѣдоносцева⁴⁾, для того, чтобы написать вашему превосходительству нѣсколько строкъ изъ Москвы. Я беру смѣлость начать письмо убѣдительноѣйшимъ совѣтомъ, которымъ намѣренъ и кончить его—совѣтомъ вамъ пріѣхать на день или на два въ Москву подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Я понимаю, что поѣздка министра—дѣло не легкое, что это можно считать событіемъ; но я увѣренъ, что вашъ пріѣздъ въ Москву, на

1) О сельскихъ караулахъ, учрежденныхъ въ Литовскихъ губ. О нихъ см. ст. Каткова 3 мая № 96 „Моск. Вѣд.“.

2) М. Н. Катковъ былъ женатъ на дочери князя Шаликова, рѣчь идетъ о братѣ м-ше Катковой.

3) Катковъ не написалъ отвѣчающей вполне на заданную тему статьи, но въ рядѣ статей коснулся этого вопроса.

4) К. П. Побѣдоносцевъ, бывший сенаторъ москов. деп. сената, затѣмъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода и членъ Госуд. Совѣта.

самое короткое время, былъ бы событіемъ чрезвычайно важнымъ и въ высшей степени полезнымъ въ настоящихъ обстоятельствахъ.

По всѣмъ признакамъ польская, или, лучше сказать, европейская, организованная противъ насъ революція не ограничится Польшей и западными губерніями. Ея замыслы простираются далѣе. Все употребляется, чтобы расшевелить нашъ материкъ, и все оказалось непрочнымъ; Россія — страна по преимуществу антиреволюціонная. Никакой революціонный символъ не имѣетъ и не будетъ имѣть успѣха у насъ; въ этомъ отношеніи мы можемъ быть совершенно спокойны. Но если нельзя сдѣлать настоящую революцію, то можно попытаться произвести революцію фальшивую, которая тѣмъ не менѣе можетъ сопровождаться очень серьезными смутами. И въ Польшѣ масса народа не революціоннаго свойства и не оказывала да и теперь не оказываетъ особенной симпатіи къ революціонерамъ, а, тѣмъ не менѣе, революція разыгралась тамъ такъ, что, повидимому, вся страна проникнута однимъ духомъ. Ничего подобнаго, конечно, не удастся имъ произвести у насъ; но этого и не требуется. Достаточно будетъ для ихъ цѣлей произвести у насъ какого бы то ни было рода смуты и волненія. Система, принятая революціей, состоитъ въ томъ, чтобы постепенно разбрасываться все далѣе и далѣе за предѣлы Польши. Теперь шайки разсыпались по всѣмъ западнымъ губерніямъ и даже находились въ Смоленской, и есть основаніе полагать, что этимъ дѣломъ не ограничится. Революціонные агенты разосланы по всей Россіи. Наши доморожденные революціонеры, сами по себѣ, совершенно ничтожны и, кромѣ презрѣнія, ничего не заслуживаютъ, но, какъ орудіе сильно и хорошо организованной польской революціи, которая не отступаетъ ни передъ какими средствами, и рѣшилась поставить все на карту, они могутъ получить значеніе. Но и кромѣ нихъ у насъ вездѣ очень много поляковъ, которые теперь такъ терроризованы своимъ тайнымъ судилищемъ, посылающимъ смерть изъ-за каждаго угла, что готовы повиноваться до фанатическаго самоотверженія всѣмъ предписаніямъ тайной власти. А часто поляка отъ русскаго распознать нельзя! При неутомимой дѣятельности, при ловкости, при крайней неразборчивости въ средствахъ, они могутъ, сверхъ всего, на вербовавъ себѣ вездѣ, изъ всякаго рода обыкновенныхъ негодяевъ, мошенниковъ на все пригодныя орудія. Имъ никто ни въ чемъ не повѣритъ, это несомнѣнно; народъ растерзалъ бы ихъ, но они и не появятся

подъ своимъ видомъ и не будутъ развертывать своихъ знаменъ. Они дошли уже до того, что провозглашаютъ теперь идею „Царя“¹⁾. У нихъ въ резервѣ поджоги, нарушенія безопасности, тревоги, которыми могутъ взволновать населеніе, и они съумѣютъ воспользоваться волненіемъ для новыхъ тревогъ и смуть. Мудрено ли, что они мѣстами, смѣшавшись съ народомъ, поведутъ его на помѣщиковъ, какъ на враговъ Царя и измѣнниковъ. Въ большихъ городахъ они могутъ рассчитывать на успѣхъ какого-нибудь „coup de main“, на какой-нибудь переполохъ, который, кромѣ разныхъ частныхъ бѣдствій, можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ новое ослабленіе нашего Европейскаго положенія. Достаточно было бы одного такого переполоха, въ Москвѣ, напримѣръ, для того, чтобы компрометтировать насъ въ дипломатическихъ нашихъ переговорахъ. Какое униженіе для насъ передъ лицомъ всей Европы. Очень естественно, что они, съ своей стороны, готовы употребить все для того, чтобы привести насъ въ такое унижительное положеніе. Съ нашей стороны остается также употребить все, чтобы заранѣе отбить у нихъ охоту предпринять что-нибудь подобное. Съ этою цѣлью должны быть, теперь же, усилены всевозможныя предупредительныя средства, которыя, какъ нельзя быть, оправдывались бы смутами въ западныхъ губерніяхъ и даже въ Смоленскѣ. При этомъ нельзя не замѣтить, что у насъ въ послѣднее время принята была странная система для облегченія публики. Нѣтъ сомнѣнія, что крайнія неудобства и стѣсненія, которымъ подвергалась у насъ публика, — дѣло ненормальное и ни въ какомъ случаѣ не желательное. Но это неудобство было прямымъ и вѣрнымъ выраженіемъ господствовавшаго у насъ дурного управленія, дурной организаціи нашей полиціи и судовъ. Чтобы избавить общество отъ этого неудобства, требуется улучшить эту организацію, а пока она не улучшена, пока система остается та же, нельзя и устранить вполнѣ эти неудобства. Надобно спѣшить улучшеніемъ, чтобы вмѣсто дурныхъ и стѣснительныхъ мѣръ, въ возможной скорости вступили въ дѣйствія хорошія. Но никакъ нельзя желать ослабленія общественной безопасности. Требуется улучшеніе, а не ослабленіе! Въ мирное время, впрочемъ, слабость правительства и недостатокъ нѣкоторыхъ условій общественной безопасности могутъ еще быть терпимы, хотя и въ мирное время это не остается безъ вредныхъ послѣдствій. Но въ такое тревожное время,

¹⁾ Катковъ имѣетъ въ виду такъ называемыя „золотыя грамоты“.

какъ теперь, при тѣхъ затрудненіяхъ, которыми мы окружены, было бы грѣшно не пользоваться всѣми наличными средствами, для огражденія общественной безопасности. Долженъ быть назначенъ болѣе бдительный надзоръ за проѣзжающими по желѣзнымъ дорогамъ, за провозимыми товарами. Недавно, въ Москвѣ, на станціи желѣзной дороги, благодаря случайному воспламененію, задержано было 60 пудовъ фосфору, который до сихъ поръ остается на станціи желѣзной дороги, и никто не является за полученіемъ его; сколько же подобныхъ подозрительныхъ матеріаловъ могло и можетъ быть провезено по желѣзной дорогѣ. Но еще важнѣе предупредить всѣ подобныя попытки. Теперь, благодаря патріотическому одушевленію, которое овладѣло всѣми нашими сословіями, возникла мысль объ ополченіи, которая въ послѣднее время приняла болѣе практическую форму мѣстной стражи. Мысль эта уже поднята въ Думѣ и составляетъ главный предметъ толковъ въ Москвѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы удалось осуществиться ей въ скоромъ времени, не только у насъ давно, но и въ Европѣ наше положеніе измѣнилось бы къ лучшему. Это сразу пришибло бы всѣ дурные элементы, которые бродятъ у насъ, въ промежуткахъ общества, и совершенно дезорганизовало бы ихъ, а главное, привело бы въ уныніе польскую революцію, въ которой они коренятся. Правительство наше очутилось бы передъ Европою въ самомъ выгодномъ положеніи; оно опиралось бы на страну не только совершенно спокойную, но и обезпеченную отъ всякихъ сюрпризовъ и, сверхъ того, готовую не на словахъ, а на дѣлѣ—къ защитѣ. Народъ нашъ дѣйствительно готовъ жертвовать всѣмъ, въ случаѣ войны, но мудрость правительства должна предупредить эту горькую необходимость. Лучше готовить ополченіе тогда, когда еще можно избѣжать войны, нежели тогда, когда она станетъ неизбежною. Въ настоящую пору весь народъ исполненъ самаго искренняго и сильнаго патріотизма: это чистое золото и имъ слѣдуетъ воспользоваться. Было бы непростительнымъ грѣхомъ дать этому великому и всеобъемлющему чувству испортиться или измельчать. Такими минутами надобно дорожить. Энтузіазмъ не можетъ оставаться долгое время безъ пищи, мало-по-малу онъ погаснетъ; очень можетъ быть, что, ничѣмъ не поддерживаемый, онъ смѣнится реакціей и, вмѣсто высокаго одушевленія, наступитъ деморализація и уже послѣ, когда въ патріотизмѣ окажется настоящая надобность, поднять его снова будетъ не легко. Надобно непременно сберечь его и дать ему пищу. Организациія мѣст-

наго ополченія, которое имѣло бы цѣлью дать правительству возможность, на случай войны, распорядиться противъ внѣшнихъ враговъ всѣми войсками, предоставивъ ополченію внутреннюю охрану страны, въ собственномъ смыслѣ, была бы теперь именно такою пищею и подняла бы духъ, усилила бы бодрость и распространила бы всеобщее чувство безопасности и силы. А между тѣмъ, сама по себѣ эта организація не была бы сопряжена ни съ какимъ существеннымъ пожертвованіемъ, ни даже отягощеніемъ потому, что войска остались бы на своихъ мѣстахъ впредь до войны, которая можетъ быть потому самому и не состоялась бы. Всѣ обязанности этой стражи пока ограничились бы подмогою войскамъ и полиціи патрулями, сборомъ въ извѣстные дни и часы для выправки. Все это дѣлалось бы охотно, усердно, съ весны. Мнѣ кажется полезнымъ дать этой стражѣ нѣсколько военную организацію, начальникомъ ея непременно долженъ быть кто-нибудь изъ уважаемыхъ генераловъ ¹⁾. Но для того, чтобы это дѣло могло бы организоваться вполнѣ успѣшно и безъ запинки, было бы желательнымъ, чтобы ваше превосходительство посѣтили Москву; не забудьте, что примѣръ Москвы будетъ обязательнымъ для всей Россіи. Давъ ходъ этому дѣлу въ Москвѣ, устройте его здѣсь, вы устройте его для всей Россіи.

Я боюсь перечитать мое письмо и прошу васъ извинить меня за неразборчивость и спѣшность, съ коими оно писано. Я едва могъ урвать для него изъ моихъ хлопотъ, а г-нъ Побѣдоносцевъ сію минуту отправляется въ путь, а я могу упустить окказію, которая не скоро повторится. Но въ данномъ дѣлѣ я не высказалъ то, что хотѣлось бы мнѣ сказать въ письмѣ къ вамъ. Примите увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ почтеніи и преданности. Вашего превосходительства покорный слуга

М. Катковъ.

Москва, 12-го мая 1863 г.

Побѣдоносцевъ отложилъ свою поѣздку, отправляю письмо другимъ способомъ. Простите великодушно, что не могу переписать.

Сообщ. В. Мустафинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Вопросу объ организаціи народной милиціи посвящена статья Каткова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 16 мая № 106, -- по поводу этой статьи академикъ Никитенко, въ своемъ дневникѣ, отмѣтилъ: „сильная статья! надо всячески будить правительство и пользоваться одушевленіемъ народа“ („Русская Старина“ 1891 г. мартъ, стр. 726).